

Высшее образование перед вызовом сетевого общества: философские сюжеты

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-100-111

Марков Борис Васильевич – д-р филос. наук, проф., b.markov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

***Аннотация.** В статье предлагается философский анализ гуманитарных последствий реформирования образования под воздействием новых цифровых технологий. Постиндустриальный этап развития цивилизации характеризуется как сетевое общество. Именно революция в медиа определяет сегодня технологические и содержательные изменения в сфере образования. Между тем его модернизация в России началась в 1990-е гг. с дискуссии о гуманитарной миссии классического университета. Однако процесс глобализации, мобильность образования потребовали выравнивания, унификации национальных образовательных стандартов. Ответом стал Болонский процесс. В результате в России осуществился переход на двухуровневое образование, несмотря на то, что общество по-прежнему нуждалось не в бакалаврах и магистрах, а в специалистах и инженерах. После перестройки образовательного процесса в соответствии с международными стандартами заговорили о необходимости экономической реформы. Общество нуждается в грамотных специалистах, однако уже не может содержать большое количество образовательных учреждений с большим штатом сотрудников. Цифровые технологии открыли возможности повышения экономической эффективности учреждений образования. Однако преподавательский корпус, особенно гуманитарии, выступили с резкой критикой. Цифровые технологии не решают воспитательных задач. За разговорами об экономии и эффективности в стороне осталась главная проблема – о смысле и назначении образования. Поэтому по-прежнему актуален вопрос о том, как воспитание личности может быть встроено в образовательный процесс, чтобы он способствовал воспроизводству общества и сохранению социальной памяти.*

***Ключевые слова:** философия образования, качество образования, миссия университета, гуманитарные практики, цифровая педагогика, сетевое общество, образовательная политика*

***Для цитирования:** Марков Б.В. Высшее образование перед вызовами сетевого общества: философские сюжеты // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 2. С. 100-111. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-100-111*

Higher Education and the Challenges of Network Society: Philosophical Themes

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-100-111

Boris V. Markov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., b.markov@spbu.ru

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Address: 7-9, University emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract. The article presents a philosophical analysis of the humanitarian impact of educational reform due to the influence of new digital technologies. The post-industrial development of society has been characterized as a network society. Specifically, the revolution in media today defines the technological and substantive changes in the educational sector. Its modernization in the 1990s in Russia began through the discussion of the humanitarian mission of the classical university model. However, the process of globalization and the mobility of education demanded the alignment and unification of national educational programs. The Bologna Process was a response. It was implemented in Russia as a two-tiered system, although the society still needed specialists and engineers rather than bachelors and masters. The restructuring of the educational process to comply with international standards then led to the necessity of economic reform. Society needed educated specialists but could not support a large number of educational institutions with a sizable staff. In the manufacturing sector, automatization leads to a growth in workforce productivity whereas in education the traditional pedagogy is mainly practiced. Digital technologies have opened up new opportunities for the increased economic efficiency of centers of education. However, the faculty body, especially in the Humanities sphere, expressed strong criticism. The argument is that digital technologies do not solve pedagogic problems. While discussing the economic efficiency, the main, substantive issue of the meaning and purpose of education has been left aside. Hence the question of how an individual's education can be embedded into the overall educational process continues to be of high relevance. Resorting to philosophy may be appropriate and reasonable inasmuch as it has accumulated a range of caring and self-preservation practices aimed at the development of social skills of an individual. Philosophy can also provide an anthropological expertise of on-going reforms, identifying their social and cultural implications.

Keywords: philosophy of education, quality of education, university mission, humanitarian practices, digital pedagogy, network society, educational policy

Cite as: Markov, B.V. (2021). Higher Education and the Challenges of Network Society: Philosophical Themes. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 2, pp. 100-111. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-2-100-111 (In Russ., abstract in Eng.).

Задача исследования

Отечественная интеллигенция, при всех её недостатках, отмеченных либеральными критиками, была и остаётся национальным достоянием. С широкомасштабным внедрением цифровых технологий перед педагогикой высшей школы неизбежно встаёт вопрос о подготовке в этих условиях социально

ответственных специалистов. Разумеется, экономические стимулы и методы государственного распределения могут и должны способствовать тому, чтобы выпускники отдали долг воспитавшему их обществу. Но желательно, чтобы такого рода административные решения совпадали с настроениями молодых людей. В историческом плане на-

уки, в том числе гуманитарные, оценивались не только как источник промышленной революции, но и как средство воспитания национальной элиты – символического капитала общества. Поэтому всегда было отчётливое понимание роли истории, филологии, литературоведения и философии в формировании идентичности личности. Считающиеся «органическими» чувства ответственности и патриотизма на деле являются продуктами сложных гуманитарных практик образования и воспитания, о которых не следует забывать в погоне за всё новыми цифровыми технологиями.

Классическое образование опирается на такие медиумы коммуникации, как истина, мораль и эстетический вкус. Люди могут обсуждать спорные вопросы, разделяя общие представления об истине, благе, красоте и прочих базовых категориях. На этой основе возникают семантические коды общественного порядка. Сегодня они сломаны, и непонятно, на основе каких правил люди объединяются в то, что называется обществом. Не приведёт ли реформа образования к окончательной деградации культуры? Или, наоборот, она лучше подготовит молодых людей к работе в условиях сетевого общества?

Переход на «удалёнку» заставил преподавателей и студентов освоить новые интерактивные образовательные программы. Жалобы касались в основном нехватки оборудования или несовершенства программ. Чтобы адекватно оценить как позитивные, так и негативные последствия новых практик образования, целесообразно опереться не только на подсчёты экономистов, но и на философскую диагностику «социального капитала» с точки зрения культурно-антропологических параметров.

Образование и экономика

Ведущую роль в формировании программы реформирования образования играют экономисты [1, с. 25]. Однако, оперируя только количественными показателями, правильное решение найти невозможно [2, с. 55].

Действительно, с позиции производительности труда учреждения образования отстают от автоматизированных предприятий, где количество работников сокращается, а количество продукции растёт. Выход видится в развитии онлайн-курсов, внедрение которых решает сразу несколько задач: во-первых, можно уменьшить число преподавателей; во-вторых, облегчить нагрузку на студентов; в-третьих, сделать курсы более доступными. Негативным следствием оказывается усреднённость. Она позволяет подняться отсталым университетам, но опускает элитные. В количественные показатели входит уровень развития инфраструктуры и комфорта, которые вроде бы не имеют отношения к качеству преподавания, зато сильно увеличивают затраты. В соперничестве за рейтинг многие университеты, имеющие невысокий целевой капитал, вынуждены экономить на качестве образования.

Итак, производительность и цена образования – это главные проблемы, которыми озабочены менеджеры от образования. Поскольку их усилия приводят к сокращению сотрудников и снижению качества образования, предпринимаемые ими меры вызывают протест преподавателей. Необходимо обсудить этот конфликт с учётом того, что в нём участвуют различные стейкхолдеры: профессора, студенты и их родители, налогоплательщики, чиновники, представляющие интересы государства, и, наконец, работодатели. И все они равноправны. Поэтому приходится искать компромисс. Он возможен, если будет найдена удовлетворяющая всех мера уступок в достижении интересов вовлечённых сторон. Более или менее понятно, чего хотят преподаватели и студенты: во-первых, занятия должны быть интересными и полезными как в человеческом, так и профессиональном плане; во-вторых, те и другие желают повышения стипендии или заработной платы. Но, конечно, комфорт тоже весьма желателен. Столь же понятно стремление государства сократить издержки образования, сохранив при этом его каче-

ство и доступность. Наконец, беспокойство гуманитариев, вызванное упадком высокой культуры среди не читающей книг молодёжи, тоже оправданно.

Кризис науки и образования вызван не только тем, что государство не может содержать прежнее количество вузов и академических институтов. На наших глазах происходит нечто более серьёзное, а именно смена медиумов образования [3, с. 19]. Если раньше лекции и книги, чтение и письмо были основополагающими практиками обучения, то сегодня происходит закат книжной культуры, и это видно уже по тому, что в транспорте мы всё больше видим людей не с книгой или газетой, а с наушниками и планшетом. Интернет дискредитировал классическую модель образования. Не лекции профессоров, а Википедия стала источником информации.

Информационно-цифровая эпоха – это не только изменение источников информации. Если бы речь шла просто о замене бумажных носителей электронными, а длинных лекций в аудиториях – онлайн-курсами, то не стоило бы беспокоиться. Однако неверно рассматривать образование лишь в прагматическом аспекте – как получение информации, необходимой для работы с высокотехнологичным оборудованием. Опасность цифровизации состоит в том, что выпадает из-под контроля содержательный аспект новых медиа. Их техническое превосходство не вызывает сомнений, вопрос в том, кто и как в обществе «постправды» задаёт порядок хранения, поиска и использования информации, кто осуществляет её селекцию. Ситуация явно двусмысленная. С точки зрения теории человеческого капитала люди с высшим образованием являются мотором развития общества. Однако половина выпускников работают не по специальности, да и те, кто получил должность, озабочены скорее улучшением личного благосостояния, т.е. машина образования с государственной точки зрения работает вхолостую. Соединить качественные требования и коли-

чественные показатели весьма непросто, так как они во многом субъективны. Поэтому фактически качество образования измеряется количественными критериями. Проблема тестирования в гуманитарных науках состоит в том, что на вопрос, например, что такое общество, могут быть даны противоположные ответы: как продукт природной эволюции (Аристотель) или как результат общественного договора (Гоббс). Поскольку за выбор между либерализмом и консерватизмом нельзя ставить оценку, остаётся либо не ставить такого рода вопросы, либо ждать, когда убеждения ученика сложатся, так сказать, сами собой. В первом случае преподавание общественных наук становится бессмысленным, во втором случае выбор является «обращением в веру», т.е. не является результатом образования.

Передача культурных традиций всегда была наиболее эффективным способом сохранения единства общества. Сегодня в связи с инфляцией проекта национального государства и становления сетевого общества говорят о том, что Интернет преодолевает расстояния и границы, способствует единству человечества. Пока же на деле мы видим формирование различных сообществ, которые разделены электронными стенами, и их участники не контактируют друг с другом. В социальных сетях чаще всего представлено мнение не большинства, а тех или иных меньшинств и маргинальных групп общества. Используя возможности новых технологий, они могут навязывать своё мнение большинству.

История образования в контексте современности

Помимо специальных знаний, любому человеку необходимо представление об устройстве окружающей среды, в которой он обитает. Кажется, что философия как мировоззрение годится для этой цели как нельзя лучше. Однако ей тоже предъявляются справедливые упреки в отрыве от жизни. Философы замыкаются в башне из слоновой кости

и занимаются решением своих собственных проблем. Между тем общество не является ни природной данностью, ни результатом мифического «общественного договора». Оно постоянно развивается на основе специфических культурных технологий, среди которых образование занимает ведущее место. Этот исторический процесс можно условно разделить на несколько этапов.

Античная «забота о себе» сформировалась тогда, когда греческий полис уже вступил в полосу заката. Она была не реальностью, а скорее или ностальгией о прошлом, или утопией будущего. Тем не менее именно греческая пайдейя осталась живой частью античного наследия в европейской культуре, о ней периодически вспоминают во времена очередного кризиса. Сказанное относится и к гумбольдтовской «миссии университета», которая была продуктом немецкой классической философии. На практике же направление развития образования поменялось от гуманитарного к техническому. Аналогичным образом осуществлялась реформа образования в России, где оно также постепенно переориентировалось на открытие технических школ. После революции интеллигенция пыталась возродить идеал воспитания свободной творческой личности. Однако отчасти под влиянием идеологии, отчасти для решения потребностей индустриализации победила программа подготовки кадров для народного хозяйства. Гуманитарная составляющая была сокращена, а главное – идеологизирована. В 1990-е гг. ряд вузов были преобразованы в университеты, в которых открыли гуманитарные факультеты. А сегодня вновь поднялась волна специализации.

По мере накопления знаний различные направления философии институционализировались в форме самостоятельных предметных специальностей. Дисциплинарное пространство философии активно осваивают когнитивные науки. Философию перестали считать идеологической наукой, чему она во многом сама способствовала. Социальный статус философии в настоящее время тоже

существенно снизился. И тем не менее есть такие вопросы, на которые может ответить только философия. Прежде всего, это проблемы смысла истории общества вообще и индивидуальной жизни в частности, это аналитика морали, искусства, религии, политики в условиях сетевого общества.

Нас пугают, что университетское образование становится невостребованным, а университеты ненужными. «Университет в руинах» – так называется одна из популярных книг [4]. История дискуссии о природе, структуре и функциях образования свидетельствует, что решения определяются вызовом времени [5; 6; 7]. Первые европейские университеты сначала находились под патронажем церкви (ректор избирался, а канцлер назначался Святым Престолом). В процессе секуляризации они превратились в учреждения государства, в которых воспитывалась административная, научная и культурная элита общества. Технологии классического образования строились на основе книжной культуры [8, с. 61–63]. Поэтому гуманитарная составляющая была достаточно высокой даже на специальных факультетах. Если открыть труды мыслителей эпохи Просвещения, посвященные университетскому образованию, то все они сходятся в том, что усвоение специальных знаний должно происходить на основе общих, универсальных принципов, которые выявляются философией. Изменения происходят в XIX–XX вв., когда побеждает новое научное мировоззрение под названием позитивизм. Наряду с университетами открываются Высшие технические школы, ориентированные на подготовку инженеров.

Разработчик миссии классического университета В. Гумбольдт утверждал, что университет должен привнести в неё свой материал – науку – для духовного и морального строительства нации [9, с. 5–8]. Кризис национального государства с неизбежностью приводит к кризису классической науки и образования, оборотной стороной которых всегда была служба государству. Универси-

тет должен готовить специалистов государственного склада ума, способных принимать ответственные решения. Поэтому студентов нужно обучать не только проходить тесты и сдавать письменные экзамены, но и думать. Если раньше готовили элиту, то сегодня многие студенты приходят в университеты не за знаниями, а за дипломами. Цифровая педагогика «натаскивает» учащихся на тесты. Это годится для запоминания фактических данных, но не способствует самостоятельному мышлению. Студент должен не только знать, но и понимать. Для этого аудиторские занятия должны быть не только критико-аналитическими, но и одновременно творческими, т.е. кроме критики, открывать перспективы решения проблем. К сожалению, в педагогической среде процветает чёрный дискурс о технике, которая якобы только ограничивает свободу, превращая людей в придаток машины, усиливает отчуждение. Аномия, одиночество, депрессия считаются следствием новых технологий, посредством которых строится общество потребления. Получается дилемма: либо ошибочна сама утопия, либо она реализовалась в жизни не так, как хотелось.

Философия образования в эпоху постгуманизма

Как и предсказывал Ф. Ницше, вслед за «смертью Бога» последовала «смерть Человека». Сегодня речь ведётся уже о конце веры в человеческую исключительность [10]. И это уже не мысленный эксперимент философов-маргиналов, а стадия развития культуры и общества, отличающаяся созданием нечеловеческих существ с искусственным интеллектом и конструирование человеческих существ на основе генных технологий. Это также развитие PR-технологий, посредством которых человек превращается в управляемое существо. Конец веры в человеческую исключительность трансформирует философию образования [11, с. 98]. Но если признать, что порядок общества определяется уже не человеческими критериями до-

бра и зла, а возможностями технологий, то цифровая революция должна расцениваться как историческая необходимость [12, с. 79]. Новая философия образования должна строиться с учётом возможностей информационных технологий [13]. Для этого необходимы междисциплинарные исследования, объединяющие специалистов различного профиля, включая учёных и педагогов, экономистов и администраторов [14, с. 97–105]. Только таким путём можно сформулировать миссию современного университета, разработать эффективную программу образования, которая отвечает вызовам новых технологий.

Прежде всего, нужно признать, что технологии являются не просто послушными инструментами, облегчающими труд, – они меняют то, что называется «природой человека». Человек – продукт техники. Поэтому приспособление к технической реальности является, может быть, даже более значимым фактором эволюции, чем адаптация к естественной окружающей среде, сохранение которой, хотя и является условием выживания, но всё-таки менее значимым, чем изменение под влиянием техники. Технологии изобретаются не только инженерами, но и педагогами, политиками и другими социальными дизайнерами, которых становится всё больше [15, с. 240–252].

Образование как иммунная система общества

Человек является незавершённым от природы существом, и ему необходима дополнительная защита. Речь идёт о культуре, которая выполняет функцию оболочки, охватывающей человеческий коллектив прочной символической защитой. Образование постепенно становится главной технологией воспитания человека. В эпохи кризиса культуры философы часто используют медицинские метафоры. Так, Ф. Ницше в лекциях о пользе и вреде истории для жизни и о будущем университета различал «открытые» и «закрытые» системы образования [16, с. 156].

Зигзаги развития российской системы образования за прошедшее столетие являются своеобразной иллюстрацией данной модели. Обитатели социалистического мира были укрыты «железным занавесом» от влияния Запада. Не имея возможности выйти за пределы своеобразного «профилактория», они потеряли способность сопротивляться влиянию чужого. Понадобилось более двадцати лет, чтобы осознать необходимость сохранения культурной и исторической памяти, которая является ничем иным, как символической защитной оболочкой общества, обеспечивающей его иммунитет и коммунитет.

Болонский процесс привёл к образованию нового поколения, которое оказалось оторванным от исторических традиций. В постсоветских республиках, как показывают протесты после очередных выборов, живут два разных народа. Это уже не конфликт отцов и детей, а разрыв поколений. О нём много говорят, но мало что делают для его преодоления. А между тем именно от реформы образования зависит восстановление «Мы-идентичности». Особенно сложное состояние характерно для исторического сознания. Россия перешла от модерна к постмодерну слишком быстро, и он проявился в ней своими разрушительными сторонами. Утрата основы, в качестве которой в России на самом деле выступало не только общество, но и государство, обернулась произволом и беспорядком во всех сферах жизни. Вместе с тем возврат к идеологии национального государства сегодня уже не актуален. Чтобы понять такого рода «истины», надо учитывать новую расстановку сил на международной арене, где главными действующими лицами становятся не отдельные государства, а их блоки и союзы.

Образование не исчерпывается изучением истории национальной культуры, литературы и языка. Глобализация и мобильность предполагают выход за рамки провинциальности и коммуникацию с окружающим миром. Чтобы понять другого, нужно понимать себя, возможности и границы своего миро-

воззрения. Критика «европоцентризма», «москвоцентризма» и иных мессианских установок не должна затенять того факта, что устойчивость высоких культур определяется их открытостью, способностью меняться перед вызовом других и усваивать их достижения. Традиции – дело семейного воспитания. К сожалению, оно тоже в кризисе. Мировоззренческие установки, нравственные нормы у подростков складываются благодаря Интернету. А там как раз наиболее активными оказываются разного рода делинквентные личности, не получившие признания на профессиональной сцене. Возможно, им не следует затыкать рот, но необходимо создавать и поддерживать сайты, содержащие проверенную информацию, манифестирующие национальные интересы и общечеловеческие ценности.

Опыт сознания

Наука не только зависит от степени развития общества, на чём настаивает социология, но и участвует в производстве общества. Обычно это связывают с тем, что наука является производительной силой, а знание – капиталом. Однако не менее важно то, как научное знание влияет на миропонимание людей, делает его более рациональным, избавляет от страхов и мифов, учит управлять собой, страхует от природных катастроф, даёт рецепты правильного образа жизни. Представители гуманитарных наук обычно критикуют технаутку за функционализм, больше внимания уделяют страстям и желаниям людей. В науках о культуре противостоят направления, которые по-разному подходят к пониманию индивида и общества. Одни выше ценят индивидуальное, другие коллективное, и это определяет содержание их доктрин. В этой связи возникает вопрос, нельзя ли реконструировать и формализовать культурный контекст в виде семантических кодов общественного порядка, морали, права и иных нормативных систем.

Зачем нужен внутренний опыт сознания, можно ли создать программу, выполняю-

щую не только расчёты, но и так называемые духовные акты? Почему эволюция не остановилась на инстинктах и привела к человеку, наделив его столь неопределённым устройством, каковым являются сознание и самосознание? Способность к переживанию и тем более к рефлексии затормаживает инстинкты. Вместо создания бесконечного количества программ на все случаи жизни, которые к тому же невозможно предусмотреть, природа отбирала организмы, которые способны самостоятельно находить решение и строить поведение сообразно сложившейся ситуации. Поэтому разработчики искусственного интеллекта тоже мечтают о самообучающихся программах. При этом возникает ряд проблем, решение которых требует предварительного философского анализа. Речь идёт о внутреннем опыте, который не сводится к нейронным или к компьютерным процессам. Сознание индивидуально, говоря современным языком, оно является «квалиа», т.е. нефизическим феноменом.

Не отрицая плодотворности компьютерной метафоры для описания сознания, следует иметь в виду, что аналогия работы мозга и компьютера не вполне корректна. В принципе, можно допустить, что могут быть созданы такие программы, которые формализуют те или иные виды и формы человеческой активности, включая создание научных теорий, литературных и художественных произведений. Будут ли «сочиняющие машины» чувствовать и переживать как люди, в принципе, не так уж важно. Главное, чтобы при общении с человеком они адекватно реагировали на его запросы. Мы ходим в театр и сопереживаем страданиям героев, в то время как исполняющие роли актёры просто хорошо играют.

Обычно при ответе на вопрос о природе сознания используют ресурсы психологии и ссылаются на аналогию, т.е. подставляют себя на место другого или по поведению другого судят о его чувствах. Это рискованное предположение. Поэтому можно опираться на другой тезис: человек изначально

является коллективным существом и выделяется в контексте социума. Язык является продуктом народа и, строго говоря, не предназначен для выражения уникальных переживаний. Скорее всего, ранний запуск языка у младенцев является первичной техникой социализации и нормализации аффектов. Поэтому эмоциональный опыт не является непосредственным, он формируется в соответствии с общественными настроениями, складывается в результате восприятия голоса другого. В ходе истории общества связи между людьми становятся всё более дифференцированными и разнообразными. Соответственно, люди, вступающие в эти связи и зависимости, обретают тот или иной тип или социальный характер. Индивидуальность проявляется как способ исполнения социальных кодов и норм. Нормализация индивидов осуществляется в специально организованных местах работы и службы, обучения и воспитания, наказания и лечения и т.д. Это не пустые пространства, а своеобразные машины власти, где технологии выступают в нескольких функциях, и прежде всего – производственной и воспитательной. Традиционную «идеологическую» интерпретацию образования необходимо дополнить аналитикой телесных практик, роль которых раскрыта пока лишь в дисциплинарном аспекте. Между тем в образовании, особенно художественном, акцент ставится на техники тела, которые являются важнейшими способами сохранения и передачи культурного наследия.

Будущее цифровой педагогики

Как образование способствует развитию общества? С одной стороны, по мнению учёных, просвещение избавляет от мифов, способствует расчётливости, предусмотрительности, а также превращению науки в производительную силу общества, в инструмент преобразования природы для нужд человека. Сегодня к этому добавляется определение знания как капитала. С другой стороны, гуманитарии считают технотехнику причиной

уже не просто отчуждения отдельных людей, а глобальных проблем всего человечества. К сожалению, призывы к сохранению традиций нередко оборачиваются возвращением разного рода мифов, которые используются в качестве идеологии консервативных режимов. Чтобы избавиться от дилеммы «физиков и лириков», следует учитывать, что естественники, как и гуманитарии, тоже опираются на такие верования и традиции, которые не доказываются, а «просто есть», т.е. представляются достоверными членам научного сообщества. К этому можно добавить моральные принципы, юридические законы, наконец, здравый смысл, включающий общие представления людей. В науках о культуре также можно отметить влияние естественнонаучных знаний, всё более возрастающее по мере развития цифровых технологий. Можно сказать, что в современном обществе востребована не только новая информация, но и личностные знания, навыки, умения, касающиеся как применения науки в производстве, так и ответов на смыслоязыженные вопросы.

Обычно граница между методами научного познания и духовными практиками проводится достаточно жёстко с целью ограждения науки от паранаучных концепций. Вместе с тем верования, обычаи, культурные и социальные нормы определяют поведение любого человека. Более того, телесно, психически и даже биологически обусловленные реакции одинаково необходимы для выживания как учёным, так и деятелям культуры. Наука нейтрализует индивидуальные особенности восприятия приборами. Видит уже не столько глаз, сколько телескоп, микроскоп или иной инструмент. Точно так же можно расценить поиски искусственного интеллекта, который лишён влияния бэконовских «идолов». Но в таком очищении есть и недостатки, которые осознают разработчики программ искусственного интеллекта. Лучшим примером является парадокс или тест Тьюринга. Он провёл резкую границу между человеком и

машиной, но тем самым лишь усилил страхи перед компьютеризацией. Мы боимся, что станем операторами машин, и они будут определять своими алгоритмами человеческие качества, и прежде всего – познание и мышление.

Выводы

Если сравнить оценки и факты, накопившиеся в процессе модернизации образования, можно сделать следующие выводы. С одной стороны, бесспорны экономичность, доступность, мобильность, информативность онлайн-обучения; с другой стороны, очевиден упадок критической рефлексии (например, презентация выглядит как абсолютная реальность, как достоверная информация, которую нужно запоминать, а не обсуждать). Наряду с этим отмечается эффективность цифровой педагогики, как формы либерального образования, но возникают опасения, вызванные утратой национальной идентичности [17; 18]. Из этих бесконечных споров, тем не менее, можно извлечь уроки. Медиаальный поворот часто расценивается поверхностно. Во-первых, в системе новых фигураций нарастает отчуждение. Во-вторых, за фасадом цифровизации в тени остаётся вопрос о культурных, социальных, политических, наконец, экзистенциальных последствиях онлайн-образования. Но и критики цифровизации не принимают в расчёт эффективность новых инструментов обучения и образовательных технологий, впадая в идеализм, выражающийся в реставрации миссии классического университета. Сегодня проблема состоит в соединении идейной, духовной, целостной и функционально-технологической сторон образования. Изменение медиумов – это не только появление более эффективных инструментов обучения, но и изменение субъектов образовательного процесса.

Несмотря на критику онлайн-обучения, все понимают, что после пандемии люди не будут жить по-старому. Поэтому следует не отвергать цифровую педагогику, а макси-

мально приспособить её для того, чтобы реформировать образование в соответствии со сложившейся исторической ситуацией. Как бы мы ни критиковали цифровое общество, по сути, это наше будущее, образ которого должен строиться с учётом возможностей новых технологий. Спасение духовности, воспитание человечности тоже следует осуществлять на их основе. Технологии, конечно, не нейтральны. Последствия их использования зависят от того, в чьи руки они попадут и для какой цели будут использованы. Поэтому аналитика новых образовательных технологий, диагностика последствий культурной политики государства, новых форм администрирования и коммерциализации институтов образования – всё это общее дело научного, культурного и педагогического сообщества в целом. Для этого, кроме разного рода методических комиссий, оценивающих эффективность внедрения новых образовательных технологий, результативность наукометрических показателей и т.п., следует организовать антропологическую экспертизу, выявляющую социально-культурные последствия проводимых реформ. В связи с радикальной трансформацией семейного, домашнего, соседского контекста существования, в рамках которого прививались простые, но необходимые жизненные навыки, существовал набор игровых практик, способствующих социализации детей, учреждениям воспитания и образования волей-неволей приходится брать на себя функции наставников. В этой связи обращение к философии, где накоплен обширный список практик «заботы о себе», направленных на формирование общественных способностей индивидов, представляется оправданным и необходимым. В отличие от природных, социальные параметры не являются универсальными константами. Они эволюционируют в процессе истории и меняются при переходе от одного типа общества (общественной формации) к другому. Социально-культурная вариативность образования не запрограммирована, но и не произвольна.

Гуманитарии и философы, в частности, моделируют возможные миры, выбор наилучшего из которых должен осуществляться в интересах общественности.

Литература

1. Боуэн, Уильям Г. Высшее образование в цифровую эпоху / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 224 с.
2. Петрунева Р.М., Васильева В.Д., Петрунева Ю.В. Цифровое студенчество: мифы и реальность // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 11. С. 47–55. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-47-55>
3. Athreya B.H., Mouza C. Thinking Skills for the Digital Generation. Springer International Publishing, 2017. 179 p. DOI: 10.1007/978-3-319-12364-6
4. Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 304 с.
5. Мионов В.В. «Деидеологизация» – новая идеология? (о месте философии в образовании) // Высшее образование в России. 2002. № 1. С. 45–51.
6. Порус В.Н. О кризисе вузовской философии // Высшее образование в России. 2003. № 3. С. 114–120.
7. Аванесов С.С., Бекарев А.М., Гифенок Ф.И. и др. Современная отечественная философия: люди, система идей и институты // Личность. Культура. Общество. 2017. Т. XIX. Вып. 3-4. С. 131–198.
8. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
9. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22). С. 5–8.
10. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
11. Смирнова Н.М., Демченко А.М. Творчество как процесс созидания смыслов // Творчество: эпистемологический анализ / Отв. ред. Е.Н. Князева. М.: ИФ РАН, 2011. С. 91–112.
12. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. М.: ИФРАН, 2017. 151 с.

13. Соколова Н.А. Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиаландшафта. Самара: Самарский университет, 2009. 204 с.
 14. Сагитов С.Т. Социокультурная сфера и развитие цифровой экономики // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 10. С. 97–105. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-97-105>
 15. Волкова С.В. Смысловый универсум образования в перспективе философской антропологии: Дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2019. 300 с.
 16. Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений // Ф. Ницше. Философская проза. Стихотворения : Сборник: Пер. с нем. Минск : Попурри, 2000. С. 63–161.
 17. Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. М.: ИФРАН, 2015. 196 с.
 18. Ростова Н.Н. Проблема человека в современной философии. М.: Проспект, 2020. 176 с.
- Благодарности.** Исследование выполнено за счёт гранта Министерства высшего образования и науки Российской Федерации (проект «Новейшие тенденции в развитии наук о человеке и обществе в контексте процессов цифровизации, новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение No. 075-15-2020-798).

Статья поступила в редакцию 27.12.20

Принята к публикации 16.01.21

References

1. Bowen, W. (2013). *Higher Education in the Digital Age*. Princetone: Princetone University Press, 192 p. (Russian translation by D. Kralachkin, ed. by A. Smirnov, Moscow: HSE Publishing House, 2018, 224 p.)
2. Petrunova, R.M., Vasilyeva, V.D., Petrunova, J.V. (2019). Digital Students: Myths and Reality. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 11, pp. 47–55, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-11-47-55> (In Russ., abstract in Eng.).
3. Athreya, B.H., Mouza, C. (2017). *Thinking Skills for the Digital Generation*. Springer International Publishing, 179 p. DOI: 10.1007/978-3-319-12364-6
4. Readings, B. (1997). *University in Ruins*. Harvard University Press, 256 p. (Russian translation by A.M. Korbut. Moscow: HSE Publ., 2010, 304 p.).
5. Mironov, V.V. (2002). [Is Deideologization a New Ideology? (About the Place of Philosophy in Education)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 1, pp. 45–51. (In Russ.).
6. Porus, V.N. (2003). [On the Crisis of University Philosophy]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. No. 3, pp. 114–120. (In Russ.).
7. Avanesov, S.S., Bekarev, A.M., Girenok, F.I. et al. (2017). Modern Domestic Philosophy: People, the System of Ideas and the Institutions]. *Lichnost' . Kul'tura. Obshchestvo*. Vol. XIX, no. 3–4, pp. 131–198. (In Russ.).
8. Habermas, J. (1990). *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. (Russian Translation by V.V. Ivanov. Moscow: Ves' Mir Publ., 2016. 344 p.)
9. von Humboldt, W. (2002). Über die innere und äußere Organisation der höheren wissenschaftlichen Anstalten in Berlin. In: *Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften: Politische Denkschriften*, vol. 1, p. 250–260 (Russian edition: *Neprikosnovennyi zapas*, 2002, no. 2 (22). pp. 5–8).
10. Schaeffer, J.-M. (2007). *La fin de l'exception humaine*. NRF – Essais Gallimard, 446 p. (Russian translation by S.N. Zenkin, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 392 p.)
11. Smirnova, N.M., Demchenko, L.M. (2011). [Creativity as a Process of Creating Meanings]. In: Knyazeva, E.N. (Ed.). *Tvorchestvo: epistemologicheskii analiz* [Creativity: Epistemological Analysis]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 91–112. (In Russ.).

12. Kozhevnikova, M. (2017). *Gibridy i khimery cheloveka i zivotnogo: ot mifologii k biotekhnologii* [Hybrids and Chimeras of Man and Animal: From Mythology to Biotechnology]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 151 p. (In Russ.).
13. Sokolova, N.L. (2009). *Populyarnaya kultura Web 2.0: k kartografii sovremennoy medialandshafta* [Popular Culture Web 2.0: To Cartography of the Modern Media Landscape]. Samara: Samara University Publ., 204 p. (In Russ.).
14. Sagitov, S.T. (2019). Social and Cultural Sphere and the Development of the Digital Economy. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 10, pp. 97-105, doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-97-105> (In Russ., abstract in Eng.).
15. Volkova, S.V. (2019). *Smyslovoi universum obrazovaniya v perspektive filosofskoy antropologii* [The Universe of Meanings in Education from the Perspective of Philosophical Anthropology: Doctor Sci. Thesis (Philosophy)]. St. Petersburg, 300 p. (In Russ.).
16. Nietzsche, F. (2011). *On the Future of Our Educational Institutions*. CreateSpace Independent Publishing Platform, 80 p. (Russian edition: F. Nietzsche, *Filosofskaya proza. Stikhotvoreniya*: Sbornik. Minsk: Pupurri Publ., 2000, pp. 63-161.)
17. Mikhailov, I.F. (2015). *Chelovek, soznanie, seti* [Man, Mind and Networks]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 196 p. (In Russ.).
18. Rostova, N.N. (2020). *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii*. [The Problem of the Human in the Modern Philosophy]. Moscow: Prospekt Publ., 176 p. (In Russ.).

Acknowledgement. The study was conducted with the financial support of a grant from the Russian Ministry of Science and Higher Education (project “The latest trends in the development of human sciences and society in the context of the process of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach”, agreement No. 075-15-2020-798).

The paper was submitted 27.12.20

Accepted for publication 16.01.21

